

**КЕТСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС
И ПРИЧИНЫ, ПРИВЕДШИЕ К НЕМУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Юлия Игоревна Козиорова
Институт языкознания РАН
(аспирант)

Аннотация. В статье представлено современное состояние кетского языка у кетского населения поселков Красноярского края, описана социолингвистическая ситуация, в которой находится кетское сообщество, продемонстрированы языковые тенденции, которые возникают в кетской падежной системе в условиях языкового сдвига. На материале полевого исследования доказано, что кетское языковое сообщество перешло на следующую стадию языкового сдвига, который теперь проявляется не только социолингвистически, но и на языковом уровне.

Ключевые слова: кетский язык, языковой сдвиг, падежная система, социолингвистика, утрата языка, комитатив, каритив, инструменталис, переключение кодов.

**THE KET LANGUAGE: MODERN SOCIOLINGUISTIC STATUS AND THE
REASONS THAT LED TO IT (BASED ON THE MATERIAL OF FIELD RESEARCH)**

Julia I. Koziorova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(graduate student)

Abstract. The article presents the current state of the Ket language among the Ket population of the settlements of the Krasnoyarsk Region, describes the sociolinguistic situation of the Ket community, demonstrates the linguistic trends that arise in the Ket case system in the context of language shift. Based on the material of the field study, it is proved that the Ket language community has moved to the next stage of the language shift, which is now manifested not only sociolinguistically, but also at the linguistic level.

Keywords: Ket language, language shift, case system, sociolinguistics, comitative case, caritive case, instrumental case, code switching.

Кетский язык – единственный сохранившийся представитель енисейской семьи языков. В настоящее время находится под существенной угрозой исчезновения (severely endangered), согласно классификации, предложенной ЮНЕСКО в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения». Официально имеет статус языка коренного малочисленного народа Сибири – кетов. В настоящий момент распространён в Туруханском районе Красноярского края (отдельные носители проживают в других населённых пунктах края), большинство говорящих сосредоточено в посёлке Келлог.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., кетов осталось всего 1219 человек, из которых 213 (17,5%) отметили владение кетским языком. Однако исследователи склонны думать, что данные переписи завышены. Так, по данным этнографа В.П. Кривоногова, проводившего стопроцентное анкетирование кетов на основной территории их расселения («основной этнической территории»), в

Красноярском крае, в 2014 году, численность представителей этой национальности составила 958 человек, из которых владение кетским языком в той или иной степени отметили 15,9% (т.е. 153 человека) [Кривоногов 2016: 156]. В то же время по результатам полевых исследований лингвистов, прежде всего на основе экспедиций под руководством О.А. Казакевич, можно утверждать, что кетский язык сегодня имеет не более 60 носителей разного уровня владения языком (от полностью владеющих – не более 25 человек – до лишь пассивно владеющих), а это не более 5% от всего кетского населения [Казакевич 2016: 210]⁴¹.

Выводы, приведенные в данной статье, сделаны на основе полевых данных, которые были собраны при участии автора в экспедициях 2015⁴² и 2018⁴³ годов. Эти данные представляют собой, во-первых, базу социолингвистических анкет, которая достаточно репрезентативна по возрасту, полу и географии проживания информантов, и во-вторых, 42 глубинных интервью по теме «Языковые контакты в прошлом и настоящем», которые дают представление о языковой картине мира современных кетов и об историческом пути народа и причинах утраты языка.

Принято выделять северный, центральный и южный диалекты. И, хотя различия между ними невелики, сами носители их разграничивают, проводят чёткое разделение диалектов.

Кетский язык младописьменный. Письменность была предложена сначала в 1934 году Н.К. Каргером на основе латиницы, но не прижилась, и потом в 1988 году Г.К. Вернером был предложен новый алфавит на основе кириллицы. По букварю, составленному Г. К. Вернером и Г. Х. Николаевой в 1991 году, детям в начальных классах до сих пор преподают кетский язык. Однако сами кеты не пользуются этой письменностью. По результатам проведённых нами социолингвистических опросов елогуйские кеты считают этот букварь неправильным, составленным не для их языка, но для другого диалекта, хотя авторы при составлении опирались на южнокетский (имбатский) диалект, к которому относится елогуйский говор. Помимо этого, опрошенные утверждают, что читать на кетском языке нечего. Действительно, периодические издания выходят исключительно на русском, кетский письменный ограничился только сферой образования, за пределами которой кеты читают и пишут исключительно на русском, не испытывая необходимости использовать свой родной язык.

Преподавание кетского языка в 2014/2015 учебном году осуществлялось на добровольной основе в единственной школе посёлка Келлог с 1 по 4 класс, уроки вёл один учитель. Также в 2014/2015 учебном году преподавание сохранялось ещё в посёлке Суломай Эвенкийского муниципального района Красноярского края, где язык преподавался 1 час в неделю со 2 по 4 класс [Казакевич 2016: 211].

Однако согласно данным мониторинга сохранения и развития родных языков народов Российской Федерации в части изучения родных языков в дошкольных и общеобразовательных организациях Российской Федерации в 2021/2022 учебном году кетский язык исчез из системы образования⁴⁴, тогда как ещё в 2020/2021 году он

⁴¹ Стоит отметить, что по мнению лингвистов, за пределами Красноярского края носителей кетского языка уже не осталось [Казакевич 2016: 210].

⁴² Экспедиция 2015 г. проводилась в рамках проекта «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РФФИ № 14-06-00449, руководитель – О.А. Казакевич. Экспедиция работала в пос. Туруханск и с. Келлог Туруханского района Красноярского края.

⁴³ Экспедиция 2018 года проводилась в рамках проекта «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе», грант РФФИ № 17-18-01649, руководитель – О.В. Ханина. З. В рамках этой экспедиции сотрудниками Института языкознания Российской академии наук были собраны социолингвистические анкеты и глубинные интервью в посёлках Келлог и Бахта Туруханского района Красноярского края и в посёлке Суломай Эвенкийского района Красноярского края.

⁴⁴ [<https://docs.edu.gov.ru/document/b7743ead77362d8d49d25a38f5347b91/download/4406/>]

преподавался в рамках факультативных занятий в 1 образовательной организации Красноярского края для 19 обучающихся⁴⁵.

По предварительной оценке, собранных экспедицией в 2018 году глубинных интервью можно констатировать, что активная утрата родного языка кетским населением началась в прошлом веке с приходом советской власти и внедрением оседлого образа жизни, коллективных форм хозяйствования. К 1930-1940-м гг. установилось устойчивое функциональное кетско-русское двуязычие на почве контактов с советской властью.

Кроме того, закрепление кетов на местах привело к увеличению межнациональных браков вследствие экзогамности территориальных общин. Если раньше в период кочевого образа жизни существовали ежегодные ярмарки, куда съезжались представители разных родов не только для торговли, но и для сватовства, то с нивелированием такой возможности кеты, будучи расселены дисперсно, стали искать жён среди представителей иных национальностей, из коих преобладали русские. Соответственно, в смешанных семьях дети с меньшей вероятностью выучивали родной язык. Корреляцию между процессом метисации и утратой языка также обнаружил В.П. Кривоногов в своих исследованиях 1998-2014 гг. [Кривоногов 2016: 155, 160]

Стоит отметить, что большую роль в ассимиляции кетов и утрате ими языка сыграла Великая отечественная война, унеся лучших представителей народа. Фактически, из каждой семьи ушли самые активные, трудоспособные мужчины. Об этом говорили многие опрошенные информанты. С учётом того, что кетское население было крайне малочисленно ещё в довоенный период [Вахтин 2001: 32], война могла стать критической угрозой витальности народа.

Наконец, в 1950-е годы пагубную роль в утрате языка сыграли интернаты, куда направляли учиться кетских детей и где им запрещалось разговаривать на родном языке.

Возможно, именно эти дети, натерпевшиеся угроз от воспитателей и насмешек от сверстников, впоследствии, став родителями и желая лучшей жизни уже своим детям, прекратили передачу родного языка своим детям в 1970-е годы, в результате чего современное взрослое население не владеет кетским языком, хотя и понимает его, и соответственно, прекращена естественная передача языка в семье.

Из анкетных данных и опросных сведений следует также то, что совершенно по-разному происходила потеря языка в разных кетских посёлках. Например, в настоящее время средний возраст молодых носителей различается на 1 поколение в посёлках Бахта и Келлог: в посёлке Келлог родившиеся в 1960-е годы говорят по-кетски, а родившиеся в 1970-е – 1980-е годы уже не говорят, но понимают язык, тогда как в посёлке Бахта утрата языка произошла на поколение раньше, а именно родившиеся в 1950-е годы не говорят, но понимают язык, а родившиеся в 1960-е – 1970-е годы уже не владеют языком ни в какой степени, в том числе не понимают его.

На данный момент кетская этно-локальная группа находится в ситуации языкового сдвига. Ситуация на 2009 год подробно описана в [Крюкова 2010: 201-206]. Данные экспедиции 2015 года, описанные в [Козиорова 2016: 10-14], не только подтверждают сделанные Е. А. Крюковой выводы, но и показывают, что картина ухудшается. Анализ анкетных данных, собранных в ходе экспедиции в 2015 году в посёлке Келлог, приводится ниже.

Согласно данным Всероссийской переписи населения в 2010 г. в Келлоге проживало 306 человек, из которых 216 кетов (70,6%). По данным В.П. Кривоногова на 2014 год в Келлоге было 196 представителей этой национальности (64,7% от общего числа жителей посёлка), из которых владение кетским языком в свободной степени отметили 15,8% (т.е. 30 человек) и частичное владение отметили 35,7% (т.е. 70 человек) [Кривоногов 2016: 156]. При этом по данным администрации по состоянию на лето 2015 года в посёлке Келлог проживало 226 представителей кетской национальности.

⁴⁵ [<https://docs.edu.gov.ru/document/7b82f075d61a4704c1d0b10e61f25786/download/3974/>]

В ходе сбора анкет участниками экспедиции в 2015 году охвачены 184 жителя посёлка Келлог, из которых 160 – представители автохтонного населения (87% опрошенных)⁴⁶. По данным нашего опроса число владеющих кетским языком составило всего 20 человек (12,5%).

Участниками экспедиции были собраны социолингвистические анкеты в ходе личных бесед с жителями посёлка, обобщённый материал которых представлен в Таблице 1.

Таблица 1

[Козиорова 2016: 10]

	1992 и младше	1991-1970	1969-1949	1948 и старше
Говорят	0	0	18	2
Не говорят	50	54	8	2
Отказ от работы	0	3	19	0
Малый словарь	0	1	3	0
Другая Национальность	0	14	10	0
Всего	50	72	58	4
	Дети	Родители	Старики	Старожилы
			Итого:	184
			из них:	160 кетов

В столбцах жители разбиты по годам рождения. Это разбиение не случайно. Первый столбец – это дети, самый младший из которых был 2013 года рождения. Второй столбец – поколение родителей, третий – старики, т.е. бабушки и дедушки нынешних детей. В четвёртом столбце представлены старожилы или прабабушки подрастающего поколения, которых осталось очень мало. Количество представителей в каждой из первых трёх групп достаточно репрезентативно.

В графу «говорят» включены все хоть сколько-нибудь говорящие на кетском языке. Это значит, что степень владения языком у всех разная, что среди них посчитаны как те, кто более-менее способен порождать на кетском языке связные тексты, так и те, кто практически не говорит, но имеет достаточный словарный запас для понимания и расшифровки чужих текстов. Потенциальные говорящие есть и среди отказавшихся работать с исследователями.

В графу «малый словарь» включены те, чьего словарного запаса не хватает на то, чтобы переводить тексты. Таких носителей мы не относим к группе говорящих, однако работаем с ними как с информантами по методике записи малых словарей. Их в Келлоге немного, так как говорящие ещё не забыли язык настолько, чтобы порождать только отдельные слова.

Анализ собранных данных показал, что говорят только люди среднего и старшего поколения. Старейшая жительница посёлка (она же самый старший носитель кетского языка) родилась в 1934 году. Самому младшему носителю на момент экспедиции было 46 лет. Средний возраст носителей – 59 лет.

Количество говорящих по-кетски в посёлке составляет восьмую часть населения. Полноценно на кетском говорить могут только люди старшего поколения. При этом процент говорящих стариков относительно высок: если мы уберём из общего количества всех представителей других национальностей и отказавшихся сотрудничать, то из оставшихся 62% говорят по-кетски.

⁴⁶ В действительности количество жителей больше, однако, нам не удалось застать всех, так как многие на летний период уехали либо в лес на рыбалку, либо к родственникам в другие города и посёлки.

В двух младших поколениях родители не говорят с детьми на кетском и не передают язык. Таким образом, мы наблюдаем языковой сдвиг в сторону более социально престижного русского языка, на котором говорят все без исключения жители посёлка. В то же время носителей северного и центрального диалектов осталось ещё меньше, так как не осталось мест их компактного проживания.

Стоит отметить, что язык более молодых носителей отличается от кетского старшего поколения, на котором ещё говорят старожилы. Происходит снижение лексической мощности языка, что хорошо прослеживается по записанным текстам: забытые слова замещаются русскими вариантами, новые кетские слова не появляются, вся лексика, соответствующая современным реалиям, заимствована из русского языка. Заимствования происходят практически без фонетических изменений, притом что в кетском есть и старые русские заимствования, которые были освоены и обработаны языком так, что приобрели совершенно непохожий облик в соответствии с правилами кетской фонетики (например, ‘работа’ по-кетски будет *lobed*)⁴⁷.

Основная оставшаяся на сегодня продуктивная модель глагольного словообразования – с помощью глагола *bed* ‘делать’. Выступая в качестве главного корневого элемента, он может инкорпорировать в позицию модификатора глаголы и имена, как конкретные (тогда значение результирующего будет изготавливать что-то), так и абстрактные (тогда образуется новый глагол – рыбачить, работать) [Vajda, Nefedov 2014: 46]. Такими новыми формообразованиями часто заменяют забытые исконные формы [Галямина 2012: 98-100].

Другая тенденция – использование застывших грамматических форм, этимология которых утрачена. Самые употребительные, широко распространённые грамматические формы укореняются в сознании настолько, что происходит их вторичный анализ, и современными говорящими они уже употребляются во всем поле языка безотносительно к их первоначальному значению. Встречаются, например, широкоупотребительные элементы парадигмы, притом что сама парадигма уже забыта. Например, глагол *obilda* ‘быть’ в форме 3 лица, ед. ч., прош. вр. признан копулой, не различающей лицо и класс, но изменяющейся по числам [Vajda, Nefedov 2014: 61]. Носители вставляют его во всех именных предикациях, независимо от лица агенса, если надо подчеркнуть, что ситуация имела место в прошлом.

(1) *At hana obilda obilda*⁴⁸.

<i>at hana</i>	<i>o-b-i-l-da</i>	<i>o-b-i-l-da</i> .
1SG маленький	T.PST-S2.3SG.TH-EP-PST-быть	T.PST-S2.3SG.TH-EP-PST-быть

‘Я маленькой была, была’. [<http://minlang.srcc.msu.ru/en/node/740192>]

Как застывшие используются показатели субъекта ед. ч. ж. р. Они уже не используются как глагольные префиксы, но стали частью существительных-актантов этих глаголов. То есть формант осмысливается как суффикс имени-субъекта при глаголе, а не индекс этого имени на глаголе. Это хорошо видно по паузам хезитации в речи информантов: пауза, отмечающая границу слов, проходит между показателем и глаголом, при этом показатель и имя субъекта образуют фонетическое единство. То же произошло в послеложных группах. Послелогии, исторически управлявшие именем в генитиве, утратили своё управление. Однако некоторые послелогии присоединили этот генитив к своей основе: *təət* ← *əət* ‘на’.

Видимо, совсем недавно, в последние десятилетия исчез каритив. Нам удалось застать два поколения информантов: информанты 1934 – 1949 годов рождения каритив

⁴⁷ См. в примерах 7 и 9.

⁴⁸ Строка 58 из текста В. М. Серковой «Я маленькая была», записанного в 2009 году в п. Верхнеимбатск.

используют, а «молодое» поколение, родившееся в 1960-х годах, его не воспроизводит и не понимает: вместо «я пью чай без сахара» теперь говорят «я пью чай, сахара нет», либо используют русский предлог *без* [Галямина 2017: 29-30].

Кроме того, в 2015 году отмечено появление новых свойств у инструменталиса. В 2015 году автором проверялась сочетаемость различных падежей с показателем комитатива.

В кетском языке исследователями выделяется две группы падежей [Vajda, Nefedov 2014: 61]. Было выяснено, что падежи второй группы (те, которые присоединяются к основе посредством показателя генитива, т.н. пространственные падежи) могут навешиваться на комитативную конструкцию (именную группу с комитативным показателем, далее в тексте - КК) (Примеры 2, 3, 4)⁴⁹, в то время как падежи первой группы (те, которые присоединяются к основе напрямую) не могут навешиваться на КК (Примеры 5, 6, 7).

- (2) *Bu dol'dəq (báàd báàmas'diŋt) / (báàd báàmas'daŋt) / (báàd báàmas'naŋt).*
bū d-o-l-də'q-0 báàd báàm-as'-di-ŋt) /
 3SG S1.1-T.PST-PST-жить-S1.SG старик старуха-COM-GEN.SG.NM-ADESS
(báàd báàm-as'-da-ŋt) /
 старик старуха-COM-GEN.SG.M-ADESS
(báàd báàm-as'-na-ŋt).
 старик старуха-COM-GEN.PL.NTH-ADESS
 'Он жил у старика со старухой'. [Козиорова 2016: 20]
- (3) *Kə'j ke'd di:mes' (báàd báàmas'diŋa) / (báàd báàmas'daŋa) / (báàd báàmas'naŋa).*
kə'j ke'd di-ik-i-n-bes-∅ (báàd
 охота человек S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SG старик
báàm-as'-di-ŋa) / (báàd báàm-as'-da-ŋa) /
 старуха-COM-GEN.SG.NM-DAT старик старуха-COM-GEN.SG.M-DAT
(báàd báàm-as'-na-ŋa).
 старик старуха-COM-GEN.PL.NTH-DAT.
 'Охотник пришёл к старику со старухой'. [Козиорова 2016: 21]
- (4) *At di:mes' (ōb āmas'diŋal) / (ōb āmas'daŋal') / (ōb āmas'naŋal').*
ād di-ik-i-n-bes-∅ (ōb ām-as'-di-ŋal) /
 я S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SG отец мать-COM-GEN.SG.NM-ABL
(ōb ām-as'-da-ŋal') / (ōb ām-as'-na-ŋal').
 отец мать-COM-GEN.SG.M-ABL отец мать-COM-GEN.PL.NTH-ABL
 'Я пришёл от отца с матерью'. [Козиорова 2016: 22]
- (5) *Ād həl'sibet i'nən' haj kilanən / *i'n kilanas'ən.*
ād d-həlsej-0-bed-0 i'n-ən' haj kilan-ən /
 я S1.1-шить-PRES-делать-S1.SG иголка-CAR и нитка-CAR
**i'n kilan-as'-ən.*
 иголка нитка-COM-CAR
 'Я шью без иголки с ниткой'. [Козиорова 2016: 23]
- (6) *Ke'd aəntal iŋŋus'ka haj qu's'ka / *iŋŋus' qu's'es'ka.*
ke'd a-ŋ-i-n'-sa:l iŋŋus'-ka haj qu's'-ka /
 человек S3.3S.SG-DET-T.PST-PST-ночевать дом-LOC и чум-LOC /
**iŋŋus' qu's'-es'-ka).*

⁴⁹ Бенефактивных контекстов нет, так как информанты используют вместо бенефактива датив.

дом чум-COM-LOC.

‘Он ночевал в доме и в чуме’. [Козиорова 2016: 23]

- (7) *Bu lowerol'bet toqas' haj huulas' / *toq huulas'as'.*
bu d-lobed-o-l'-bet-0 toq-as' haj huul-as' /
он S1.3M-работа-T.PST-PST-делать-S1.SG топор-INSTR и МОЛОТОК-INSTR /
**toq huul-as'-as'.*
топор МОЛОТОК-COM- INSTR.
‘Он работал топором с молотком’. [Козиорова 2016: 24]

- (8) *Ab oyot kul'ta lesas'bes' / kul'tābes' haj lesas'bes'.*
at bo-k-o-n-tn kul'ta les'-as'-bes' /
я S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти дорога лес-COM-PROS
kul'ta-bes' haj les'-as'-bes'
дорога-PROS и лес-COM-PROS
‘Я иду по дороге с лесом’. [Козиорова 2016: 24]

В то же время относительно молодое поколение носителей (1960-х г.р.) порождает следующие примеры:

- (9) *Bu lowerol'bet tosla toqas'as'.*
bu d-lobed-o-l'-bet-0 tosla toq-as'-as'.
он S1.3M-работа-T.PST-PST-делать-S1.SG тесло топор-COM-INSTR
‘Он работал теслом с топором’. [Козиорова 2016: 25]

- (10) *At diyiroq bat hibas'as'.*
at di-k-a-0-daq-0 baad hib-as'-as'.
я S1.1-DET-T.PRES-PRES-жить-S1.SG старик сын-COM-COM
‘Я живу с мужем и сыном’. [Козиорова 2016: 25]

Из примеров (9) и (10) следует, что инструменталис под влиянием конструкции с пространственными падежами изменил свои свойства и теперь может навешиваться на КК.

Данное предположение, сделанное на основе проведенных автором в 2015 году грамматических тестов, подтверждается также и более ранними полевыми материалами. При анализе текстов, собранных в ходе полевых экспедиций 2005 и 2009 годов от информанта Тыгановой У.П., и текстов, записанных в 2015 году от различных жителей п. Келлог, а также текстов с сайта «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»⁵⁰, записанных от носителей кетского языка в период с 2004 по 2009 годы в разных посёлках, было зафиксировано отсутствие КК с инструменталисом, а также был найден пример (11) использования сочинительной конструкции с инструменталисом:

- (11) *At boyot iyytas' haj qoŋas'.*
at bo-k-o-n-tn ikot-as' haj qo-ŋ-as'
я S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти солнце-COM и звезда-PL-COM

⁵⁰ Проект реализуется под руководством О.А. Казакевич на базе НИВЦ МГУ. Данные, представленные на сайте, также были получены в ходе лингвистических экспедиций.
http://minlang.srcc.msu.ru/en/textspage?field_word_lang_tid%5B%5D=44&field_text_type_tid=All&field_term_pl ace_tid=All&field_informant_nid=All&=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%8C

‘Я хожу по солнцу и по звездам’. [Полевые материалы экспедиции 2005г. к кетам Келлога и Сургутихи, грант РГНФ 05-04-18012е, рук. О.А. Казакевич: текст_Тыганова_УП]

Хотя по текстам мы не можем говорить о невозможности КК с инструменталисом, но отсутствие таких примеров и, наоборот, наличие сочинительных конструкций может подтверждать выводы, сделанные на основе тестов, о том, что у старшего поколения (в данном случае не только у нынешних стариков, но и в 2005 году) инструменталис ещё не выработал свойства маркировать КК целиком, а вместо неё маркирует каждый из членов сочинительной конструкции.

С учетом того, что каритив молодое поколение (рождённые в 1960-е годы) уже забыло, а инструменталис сейчас может навешиваться на КК (т.е. находится в состоянии дрейфа в сторону пространственных падежей), остался только один падеж – локатив, который не может стоять в этой позиции (Пример 6)⁵¹. Всё это говорит о том, что все падежи стремятся к поведению пространственных, происходит выравнивание всей падежной парадигмы.

Что касается самого комитатива, то информанты часто заменяют комитатив на сочинительные конструкции в переводах на кетский с русского стимула, и наоборот, могут перевести на русский конструкцию с союзом как комитативную. Также встречается двойное оформление/маркирование комитативной конструкции, где значение падежного показателя дублируется сочинительным союзом (Примеры 8 и 12).

(12) *Op haj am-as' aqta dooldaq.*

op haj am-as' aqta du-o-l-daq-0.
отец и мать-СОМ хорошо S1.3M-T.PST-PST-жить-S1.SG
‘Отец с матерью хорошо жил’. [Козиорова 2016: 30]

Такое смешение грамматически разных конструкций говорит об их неразличении молодым поколением информантов.

Помимо вышеперечисленного в речи информантов наблюдаются постоянные кодовые переключения, встречающиеся даже у старожиллов [Галямина 2012: 96-100]. Сфера употребления языка сильно ограничена: на кетском рассуждают только о традиционно промысловых сферах (охота, рыболовство), о шаманизме и о быте⁵². Эти темы были затронуты в рассказах о жизни и в фольклорных прецедентных текстах, записанных лингвистами. На самом же деле, объём употребления языка ещё ниже, так как во всех сферах доминирует русский язык. Из кетского остаются только расхожие фразы и слова. В то же время, язык по-прежнему остаётся одним из идентификаторов национальной принадлежности. Так, по результатам опроса, человек может считать себя «кетом», так как он знает любые два из слов *нань* ‘хлеб’, *донь* ‘нож’, *уль* ‘вода’, ‘водка’.

Подводя итоги, можно перечислить следующие черты социолингвистической ситуации в посёлке Келлог: высокий средний возраст носителей, отсутствие передачи языка в семье, малая сфера употребления, малый объём употребления, малое количество носителей, стопроцентный билингвизм, престижность русского языка, отсутствие

⁵¹ По-видимому, то же происходит и с просекутивом (пример 8). Однако для просекутива подобные контексты были обнаружены ещё М. Кастреном: s'es'-ka-bes' (река-LOC-PROS) ‘вдоль по реке’ [Castren 1858: 93].

⁵² Основой существования большинства жителей посёлка Келлог до сих пор остаётся промысел – летом сбор ягод и рыбалка, осенью – охота. Это традиционный уклад жизни, а потому этот лексический пласт сохранился лучше остальных и сохранился именно в посёлке, в месте компактного проживания представителей этой национальности, а не в районном центре, где связь с традицией ослабла. Старожилы ещё помнят шаманов, носителей традиционных верований кетского народа (сейчас культура шаманизма полностью утрачена), поэтому среди прочих историй редко встречаются тексты про известных шаманов.

преподавания родного языка, опрощение языка, ситуация языкового сдвига-перехода на более престижный язык.

Такие системные изменения в языке (а не только в отдельных речевых проявлениях), как частая замена комитативных конструкций сочинительными и комбинации разных способов, в том числе с кодовыми переключениями, вкуче с замеченной по результатам экспедиции утратой каритива и появлением возможности у инструментального маркера сочетаться с комитативной конструкцией доказывают не только то, что ситуация языкового сдвига действительно наличествует в кетском языковом сообществе, но и то, что этот языковой сдвиг проявляется уже не только на уровне социолингвистики, но и на собственно языковом уровне.

Таким образом, кетское языковое сообщество находится на более глубокой стадии языкового сдвига, нежели предполагалось ранее в той ситуации, когда начинаются уже непосредственно лингвистические изменения.

Литература

Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.

Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенкийского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – №. 1 (116). – С. 96-100.

Галямина Ю. Е. Каритив и комитатив в современном кетском языке // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2017. – №. 11 (32). – С. 24-32.

Казакевич О. А. Кетский язык // Язык и общество. Энциклопедия. – М.: «Азбуковник», 2016. – С. 208–213.

Козиорова Ю. И. Комитативная конструкция в современном кетском языке: Выпускная квалификационная работа. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. – 40 с.

Кривоногов В. П. Этнические процессы у кетов в начале XXIV. (опыт интервальных исследований) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 6 (44). – С. 152-161.

Крюкова Е. А. Языковая ситуация в местах проживания кетского населения // Васильева С. П. (отв. ред.). Приенисейская Сибирь как лингворегион. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010. – С. 201-206.

Castren M. A. Versuch einer jenesje-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss., 1858. – 264 с.

Vajda E. J., Nefedov A. V. Grammatical sketch of Ket. // Которова Е. Г., Нефёдов А. В. (ред.). Большой словарь кетского языка. – 2014. – С. 25-66.

References

Vakhtin N. B. Languages of the indigenous people of the North in XX century. Essays on the language shift. – SPb.: Dmitriy Bulanin, 2001. – 338 p.

Galyamina Yu. E. Structural typology of code-switching in the texts in endangered languages (on the Ket and Evenki data) // TSPU Bulletin. – 2012. – Vol. 1 (116). – Pp. 96-100.

Galyamina Yu. E. Comitative and Caritive cases in modern Ket. // RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series. – 2017. – Vol. 11 (32). – Pp. 24-32.

Kazakevich O. A. The Ket language. // Language and society. Encyclopedia. – M.: Publishing center “Azbukovnik”, 2016. – Pp. 208–213.

Koziorova Yu. I. The comitative construction in the modern Ket language: Final qualifying work. – National Research University “High School of Economics”, 2016. – 40 p.

Krivosnogov V. P. Ethnic processes among of Kety at the beginning of the XXI century (interval research experience). // TSU Bulletin. History. – 2016. – Vol. 6 (44). – Pp. 152-161.

Kryukova E. A. The language situation in places of residence of the Ket population // Vasilyeva S. P. (ed.) PriYenisei Siberia as a linguoregion. – Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafyev, 2010. – Pp. 201-206.

Castren M. A. Versuch einer jennisiej-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. – St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss., 1858. – 264 p.

Vajda E. J., Nefedov A. V. Grammatical sketch of Ket. // Kotorova E. G., Nefedov A. V. (eds.). Big Ket dictionary. – 2014. – Pp. 25-66.